

**Жанровые номинации романа
в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка:
авторские определения
и литературоведческий канон**

Для меня лично писать романы – прямой убыток, но что будешь делать, если у человека такое уж «влечение – род недуга».

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Большинство литературоведческих исследований, посвященных творчеству «певца Урала», как правило, начинается с упоминания масштаботности – и в количественном, и в качественном отношении – оставленного им художественного наследия: «Автор пятнадцати романов, более пятисот повестей, рассказов, очерков, интересный публицист со своей темой и голосом. <...> В лице Мамина русская литература имеет незаурядного художника, обладающего сильным талантом» [1, с. 3]. Среди созданного уральским писателем, на первый взгляд, в «равных категориях» находятся и романное творчество, и малая проза: в отечественной литературе за Маминым не закрепилось амплуа романиста или очеркиста, а число «более пятисот» в данном контексте не может оказаться предпочтительнее числа пятнадцать. Время творческой активности Мамина-Сибиряка приходится на период, в целом кризисный для романного жанра. Ушло в прошлое поколение романистов 1860–1870-х годов (Тургенев, Гончаров, Григорович, Достоевский и др.), и к концу столетия его сменила генерация «рассказчиков» – Чехов, Бунин, Куприн, Горький. Формально – в силу возрастных особенностей, а также творческих предпочтений и личностных симпатий – Мамин-Сибиряк принадлежал именно к этому поколению мастеров малой прозы. Однако «влечение» к роману – «род недуга», несмотря на обилие сложностей, связанных с их появлением на свет и последующей публикацией, оставалось устойчивым и в 1880-е, и в 1890-е годы. Лишь в начале XX столетия в одном из писем Мамин подведет своего

рода черту: «Как-то даже странно вспомнить, что я когда-то написал “Приваловские миллионы”, “Хлеб” и другие романы... Наступили вообще какие-то короткие времена... Нужно появление нового Толстого или Достоевского, чтобы заставить публику читать трехэтажные романы» [2, с. 395–396]. Однако в связи со сказанным возникает закономерный вопрос: в каких отношениях в творческой лаборатории и художественном мире «самобытного уральского писателя» находятся его малая проза и романистика? Бесценным источником для исследователя в поисках ответа на этот вопрос становятся и «Автобиографическая заметка», и «Записные книжки» Мамина-Сибиряка, но в большей степени – его многочисленные письма.

Эпистолярное наследие Мамина-Сибиряка – в частности, его письма редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву, брату Владимиру, отчасти матери и сестре – это выраженная в суггестивной форме творческая история многочисленных произведений писателя, а также своего рода квинтэссенция его литературно-критических взглядов. Вспомним в связи с этим высказывание М. М. Бахтина о том, что «гораздо интереснее и последовательнее те нормативные определения романа, которые даются самими романистами, выдвигающими определенную романную разновидность. <...> Такие высказывания, не пытающиеся обнять все разновидности романа в эклектическом определении, сами зато участвуют в живом становлении романа как жанра» [3]. В отношении же определений, даваемых романистом Маминим-Сибиряком, следует отметить две особенности. Во-первых, он достаточно вольно обращается с традиционной жанровой терминологией – например, часто называет собственные романы «*большими очерками*» или «*громадными статьями*» [4]. Во-вторых, еще одна особенность подобного рода авторецепции – ироничность, являющаяся в целом характерной приметой идиостиля писателя. «*Агроматный роман*», «*агроматнейший роман*», «*великая улитка*» – так, например, он называет в письмах к В. А. Гольцеву роман «Три конца», считая, впрочем, «странным» само определение «роман» в отношении задуманной им, автором, «бытовой хроники» [5].

Следует подчеркнуть, что Мамин-Сибиряк осознает необычность, странность и, как следствие, некоторую ущербность создаваемых им «больших вещей», находя, впрочем, и контраргумент такого рода ситуации: «Я знаю сам, что большие вещи мне удаются меньше, чем маленькие, но пишу *протяженно-сложенные летописи* только потому, чтобы не разбивать на осколки целую тему. Жаль ломать то, что в жиз-

ни связано органически» (курсив мой. – Л. М.) [5]. Очевидно, что обращение к романистике имело для Мамина-Сибиряка в определенном смысле вынужденный характер – ведь и писать, и зарабатывать на хлеб насущный было значительно проще с помощью рассказов и очерков. Малые художественные формы представляли для Мамина-Сибиряка значительные удобства вследствие причин внешнего характера: будучи писателем-разночинцем, Мамин почти всегда нуждался в деньгах и зарабатывал их исключительно литературным трудом. Как верно отметил в свое время Е. А. Боголюбов, «...ему было особенно и лично близко пушкинское: “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”» [6].

Однако определяющими в данном случае становятся причины именно концептуального, содержательно-эстетического характера, о чем писатель со всей определенностью высказался в «Автобиографической заметке», написанной в третьем лице: «Перед его глазами выступила с особой рельефностью бойкая и оригинальная жизнь этого края. <...> Нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда, чтобы окончательно выяснить себе то, чем отличалась жизнь уральского населения» [7]. Итак, уральская действительность с ее «злобами» и «проклятыми вопросами» осмыслиется Маминым-Сибиряком как «целая темища», требующая и соответствующего воплощения – в форме «агроматных романов» и «протяженно-сложенных летописей». Осознание масштабности уральской темы приводит к тому, что вполне сложившиеся и завершенные романские полотна – например, «Горное гнездо» – самим автором оцениваются только как «*введение*» к другому роману, как «*страничка из Уральской летописи*», как «*очерки из жизни горного гнезда*», и уже совсем кратко – «*очерки “горного гнезда”*». Перед нами наиболее характерные примеры *самоосознания* Мамина-романиста.

Следствием подобной жизненной и творческой коллизии становится ироническое и даже несколько пренебрежительное отношение художника к «маленьким рассказикам», а также желание непременно «угнаться за темой»: «Из-за этой работы (речь идет о романе “Три конца”. – Л. М.) буду писать *маленькие рассказы* для “Новостей” и *мелких газеток*» [5]. Тезис М. М. Бахтина о том, что «роман... плохо уживается с другими жанрами» [3], несправедлив в отношении Мамина – романиста: в его романские полотна, как правило, органично входят предшествующие им рассказы и очерки, переосмысленные и переакцентированные. В результате очерковость становится важнейшей приметой идиостиля писателя.

Творческая история большинства романов Мамина-Сибиряка свидетельствует об определенной *технологии* писательского труда, отражающей взаимодействие крупных и малых жанровых форм и состоящей из следующих этапов:

- первоначальное накопление материала;
- определение основной проблематики произведения;
- разработка отдельных картин, этюдов и эскизов к нему;
- составление начальных редакций целого произведения;
- окончательное оформление последней редакции.

Такого рода этапы творческой истории обнаружил и определил в свое время Е. А. Боголюбов в отношении последнего уральского романа Мамина-Сибиряка – «Хлеб» [8]. Предложенная нами формулировка исключает конкретику, связанную непосредственно с названным романом, и данная схема становится верной в отношении творческой истории практически всех уральских романов писателя.

Отдельного разговора заслуживает и проблема *типологии* многочисленных романов Мамина-Сибиряка. Выработанное многолетней практикой маминоведения деление их на *уральские романы* и *романы об интеллигенции* сегодня может быть дополнено. С точки зрения факторов *среды и времени*, чрезвычайно важных в творческой биографии «уральского петербуржца» (или «петербургского уральца»?) Д. Н. Мамина, а также сформировавшихся в русской культуре регионально-локальных свертхтекстов, считаем возможным выделить в его романистике два цикла: *урало-сибирский* и *петербургский*. Однако особого внимания заслуживает вопрос о «границе» между Уралом и Сибирью, актуальный в отношении первого цикла и в целом связанный с «сибирской темой» в творчестве писателя. Вершинами этого цикла становятся «Приваловские миллионы» и «Хлеб», как бы обрамляющие его, а лучшим петербургским романом, являющимся органичной частью петербургского текста русской литературы, следует назвать роман «Черты из жизни Пепко». Весьма продуктивной в отношении романов Мамина-Сибиряка становится также типология, предложенная в свое время А. Прието. С его точки зрения, объективная структура, которую автор-романист воспринимает и которой он противостоит, может быть а) социальной группой, чисто внешней реальностью или б) самим отчужденным романистом, поскольку он является частью общества, его обязательным членом [9]. Это и позволяет Прието разделить все романы на две большие категории – несмотря на то, что они взаимосвязаны: а) *закрытый роман*, где преобладает внутренний мир человека и где автор противостоит самому

себе как объективной структуре, и б) *открытый роман*, где преобладает социальное и где автор находится в постоянном конфликте с социальной действительностью, которую он стремится изменить. С обозначенной точки зрения так называемые романы об интеллигенции Мамина-Сибиряка, в основном относящиеся к петербургскому циклу, можно классифицировать и как романы преимущественно закрытого типа. Роман «Черты из жизни Пепко» – философская и художественная квинтэссенция всего петербургского цикла романов Д. Н. Мамина-Сибиряка. Уральские же романы, в целом относящиеся к урало-сибирскому циклу, – это романы открытого типа. Начинают и завершают названный цикл «Приваловские миллионы» и «Хлеб», причем первый обладает мощной перспективной функцией относительно всего урало-сибирского цикла, а второй является его итогом и в содержательном, и в жанрово-стилевом отношениях. Промежуточное положение во всех классификациях занимает роман «Без названия»: это роман о русской («расейской», а точнее – московской) интеллигенции, склонной к рефлексии и вместе с тем социально активной, стремящейся, вслед за Ермаком, по-своему «покорить» зауральские просторы.

-
-
1. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов. Новосибирск, 2005.
  2. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: В 10 т. / под общ. ред. А. И. Груздева. М., 1960. Т. 10.
  3. Бахтин М. М. Эпос и роман: (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исслед. разных лет. М., 1975.
  4. Боголюбов Е. А. Роман «Горное гнездо» и его место в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка : комментарий // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. Свердловск, 1948.
  5. Боголюбов Е. А. Роман «Три конца» и его место в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка : комментарий // Мамин-Сибиряк Д. Н.. Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1949. Т. 5.
  6. Боголюбов Е. А. Рассказы и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка : комментарий // Мамин-Сибиряк Д. Н.. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. Свердловск, 1951.
  7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Автобиографическая заметка // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1955.
  8. Боголюбов Е. А. Творческая история романа «Хлеб» и его место в русской литературе 90-х годов // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Свердловск, 1950.
  8. Прието А. Из книги «Морфология романа»: Нарративное произведение / пер. с исп. А. Б. Матвеева // Семиотика / сост., вступит. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., Радуга, 1983.